

□ **Бабасан Д. ЦЫРЕНОВ**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РАННЕЙ БУРЯТСКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Аннотация

Лексикографическое описание языка имеет важное значение не только для развития самого языка, но и для дальнейшего развития лингвистических исследований по данному языку. Проблематика переводной лексикографии достаточно хорошо разработана в русской лексикографии и лексикографии тюркских языков. В данной статье рассматриваются проблемы первых переводных словарей бурятского языка на материале «Русско-бурят-монгольского словаря» (1941). Анализ показывает, что ранняя бурятская переводная лексикография, опираясь на практический опыт русской лексикографии, сделала первые уверенные шаги. Составление первого русско-бурятского словаря, в целом, оказалось успешным.

Ключевые слова

бурятский язык, словари, лексикография.

SCIENTIFIC PROBLEMS EARLY BURYAT TRANSFER LEXICOGRAPHY

Abstract

Lexicographical description of any language has theoretical and practical importance. Dictionaries provide an opportunity to translate from one language to another and carry out extensive research on the language. The analysis of the "Russian-Buryat-Mongol Dictionary" (1941) testifies to the successful beginning of the Buryat practical bilingual lexicography.

Key words

Buryat language, dictionaries, lexicography.

Проблемы двуязычной (переводной) лексикографии попали в поле зрения исследователей сравнительно недавно. Это направление естественным образом выделилось из общей теории лексикографии. Этой теме посвящено достаточно много трудов, преимущественно научных статей. В этом плане весьма плодотворным было обсуждение проблем лексикографии в «Лексикографическом сборнике», издававшемся Институтом языкознания АН СССР в 1950-60 гг. В этих сборниках предполагалось обсуждение «особенно существенные» для лексикографической практики проблемы (Лексикографический... 1957а: 7). Первый выпуск сборника открывает статья, посвященная одной из проблем двуязычной лексикографии – смысловой структуры слова в двуязычных словарях. В том же выпуске «Лексикографического сборника» опубликована статья А. К. Боровкова, в которой автор подчеркивает, что опыт лексикографии в составлении русско-национальных словарей чрезвычайно поучителен. «Русско-национальные словари имеют свои особенности и в лексическом и в грамматическом отношении и ставят перед нами ряд новых вопросов теории словаря и, в частности, вопрос о типе русско-национального словаря» (Боровков 1957а: 136). Кроме этого, А. К. Боровков поднимает еще несколько вопросов, касающихся русско-национальных словарей: вопрос об отдельном слове, словнике, разграничение значений многозначных слов, их расположение согласно тем или иным принципам (исторический, этимологический, частотный и т.д.), о лексикографических иллюстрациях (иллюстративных словосочетаниях).

Одним из первых крупных исследований в данной области является монография А. А. Юлдашева «Принципы составления тюркско-русских словарей», которую автор представляет как «первое теоретическое обобщение накопленного более чем за двести лет огромного опыта составления тюркско-русских словарей» (Юлдашев, 1972: 5). Тем временем, в аннотации монографии В. П. Беркова «Вопросы двуязычной лексикографии», вышедшей в свет в 1973 г., написано: «Книга является первой попыткой теоретического осмысления и освещения сложных вопросов двуязычной лексикографии, решение которых очень важно для практической работы по составлению двуязычных словарей» (Берков 1973).

В. П. Берков один из немногих исследователей, кто последовательно работал над проблематикой двуязычных (переводных) словарей. В 1978 г. в Таллинне была издана еще одна его монография «Слово в двуязычном словаре» (Берков 1977). В ней автор подробно рассматривает способы представления слова в переводном словаре. В 2004 г. В. П. Берков опубликовал учебник «Двуязычная лексикография», который в определенной мере обобщил его исследовательскую деятельность в этой области.

В первой монографии В. П. Берков рассматривает теорию двуязычной лексикографии в неразрывной связи с теорией перевода: «Если объектом лингвистической теории перевода является описание перевода как процесса, то теорию двуязычной лексикографии правомерно рассматривать как такую часть теории перевода, которая исследует способы фиксации установленных и/или устанавливаемых эквивалентных отношений элементов лексики двух языков» (Берков, 1973: 6). Это представляется нам вполне естественным, если учитывать, что второе название двуязычной лексикографии – переводная лексикография, а двуязычного словаря – «переводной словарь». Основной функционал подобного лексикографического издания – это использование в переводе

текста (художественного, публицистического, научно-технического, учебного и др.) с одного языка на другой, а также использование в процессе обучения иностранному языку. В последнем случае его функционал немного расширяется, выходя за рамки простого перевода учебного текста, в особенности если словарь будет носить активный характер, т.е. будет иметь и некоторый обучающий потенциал.

В целом проблематика двуязычных национально-русских словарей достаточно хорошо освещена в научной литературе – это, прежде всего, проблема словника, разграничение значений многозначного слова, гомогенной омонимии и полисемии, вопросы включения терминологической (в некоторой степени и ономастической лексики, а также другой специальной лексики), конверсивно образованных слов, эквивалентности входного и выходного слов, грамматической и фонетической характеристики заголовочной единицы, лексикографических иллюстраций, место и роль паремии и фразеологии в качестве лексикографических иллюстраций, различного рода комментариев.

Эти довольно сложные проблемы были освещены в трудах ведущих лексикографов – практиков и теоретиков. Значительная часть трудов по теории лексикографии начинается со слов «опираясь на свой опыт в практической лексикографии» или подобных выражений. Действительно, обращение к теоретическому осмыслению вопросов лексикографии, как нам кажется, невозможно без определенного опыта создания словарей. В этом плане мы также можем говорить об определенном опыте по составлению и редактированию словарей бурятского языка. Этот опыт дает основу для теоретического осмысления как самого явления, так и процессов лексикографического творчества, позволяет прийти к теоретическим заключениям.

Упомянутая выше монография А. А. Юлдашева стала первой крупной работой, посвященной проблемам национально-русской лексикографии. В адресации своей книги автор пишет: «Книга рассчитана главным образом на лексикографов и лексикологов. В то же время она представляет интерес и для грамматистов, поскольку в ней предпринята попытка обобщения всего сделанного по таким грамматическим темам, как конверсия, омонимия, служебные имена, залоги, сложные слова и фразеологические единицы, изолированные формы слов и т.п.» (Юлдашев 1972: 6). Создатель словаря, обрабатывая весь словарный состав языка (с той или иной степенью полноты), вынужден по ходу работы решать огромный массив лексикологических, грамматических, стилистических проблем. Специфика трудов по лексикологии (практически любого языка) состоит в описании наиболее специфичных, явных и ярких феноменов лексической системы языка. Так, во многих трудах по лексикологии встречаются одни и те же примеры, иллюстрирующие какое-либо явление. К таким примерам прикрепилась характеристика «кочующие примеры». Такая же или близкая к этой ситуация и в грамматике. Любое научное описание, академическая лексикология или грамматика, выявляет лишь наиболее характерные черты, дает общий и целостный контур языка.

При создании любого словаря в первую очередь встает вопрос о формировании словника, основополагающего элемента макроструктуры словаря. В языках, в которых уже созданы крупные, авторитетные толковые словари, проблема решается в определенной степени просто, в отличие от языков, которые не имеют хотя бы одного такого словаря. В последних первыми крупными лексикографическими трудами являются русско-

национальные, терминологические словари (общие и по отдельным отраслям знаний), тогда как национально-русские, толковые словари появляются гораздо позже. К таким языкам, в частности, относится бурятский язык. В этом случае автор-составитель сталкивается со всем «безбрежным морем слов языка», и проблема отбора остается на откуп составителя, а он, в свою очередь, остается один на один с этой сложной во всех отношениях проблемой. Те же проблемы возникают при решении о включении терминов, онимов в общий двуязычный словарь, равно как и слов-морфем, грамматикализованных лексических единиц, классов служебных слов и т.д.

Следующей сложной проблемой является проблема разграничения значений многозначного слова. Решение этой проблемы обуславливается наличием или отсутствием толкового словаря, а также может усугубляться неразработанностью лексической системы данного языка, семантической структуры слова в языке. В лексикографии принят ряд принципов расположения значений слова: этимологический (по мере появления значений у конкретного многозначного слова, исторический, частотный (по употребительности) и т.д. В. П. Берков в разграничении значений входного слова выделяет два основных подхода, первый из которых можно кратко охарактеризовать как членение входного слова «на значения только в соответствии со своей смысловой структурой – независимо от того, каким количеством переводящих эквивалентов его значения передаются в выходном языке словаря», второй – «разграничение значений слова входного языка определяется количеством переводящих эквивалентов» (Берков 2004: 117). В. П. Берков отдает предпочтение первому подходу – членение заголовочной единицы (в терминологии Беркова – леммы) в соответствии с реальным количеством значений (Берков 1977: 51-55).

Лексика собственно бурятского языка, естественно, в довольно ограниченном объеме зафиксирована в отписках русских казаков, служилых людей, сообщениях ученых-путешественников. Так, в 1720-х гг. Д. Г. Мессершмидт в своих дневниковых записях зафиксировал речь качугских бурят-эхиритов, им записано 195 слов. Дневники Мессершмидта изданы в пяти томах АН ГДР совместно с Институтом истории, естествознания и техники СССР.

В «Латинско-татарско-аринско-котско-бурятский словарь» Г. Ф. Миллера вошло около 300 бурятских слов (II пол. XVIII в.). В сочинении М. Татаринова под названием «Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым» (1765) имеется русско-бурятский словарь. В 1769 г. Ренье составил немецко-бурятский словарь, содержащий 230 слов. Записи бурятской речи с приложением словарей производили также П. С. Паллас (1768; ок. 200 слов), И. Чемесов (1773) и др.

Первым известным переводным словарем в полном смысле этого слова является «Русско-монголо-бурятский словарь» И. А. Подгорбунского (1909). После Октябрьской революции составлен и издан ряд словарей бурятского языка: «Русско-монгольский терминологический словарь» (1928; 2-е, испр. изд. – 1930), «Русско-бурятский терминологический словарь по языку и литературе с краткими пояснениями» Б. Б. Барадина (1935), «Краткий русско-бурят-монгольский словарь» А. Н. Боржоновой (1932), «Краткий русско-

бурят-монгольский словарь» Д. А. Абашеева и К. М. Черемисова (1941). Последний словарь открывает историю бурятской академической лексикографии.

В типологическом плане до сего времени преобладают переводные двуязычные словари, среди которых: двухтомный «Бурятско-русский словарь» (2006, 2008; далее – БРС-06 и БРС-08) и однетомный «Русско-бурятский словарь» (2008; далее – РБС). Им предшествовали значительные и по объему, и по значению «Бурят-монгольско-русский словарь» (1951; далее – БМРС), «Бурятско-русский словарь» (1973; далее – БРС-73), «Русско-бурят-монгольский словарь» (1954; далее – РБМС).

Однако первыми бурятскими словарями были терминологические словари (упоминавшиеся выше словари Б. Барадина, русско-бурятский технический словарь). Появление терминологических словарей, как нам кажется, было обусловлено, прежде всего, включением бурят в общественную жизнь страны, бурным развитием науки и техники, появлением новых реалий в области общественной жизни.

Тем не менее, буряты, как и практически все нации СССР, в связи с расширением функций русского языка как языка межнационального общения нуждались в русско-национальных и национально-русских словарях. Так, в 1932 г. опубликован «Краткий русско-бурят-монгольский словарь» А. Н. Боржоновой, а в 1941 г. словарь с таким же названием, составленный Д. А. Абашеевым и К. М. Черемисовым.

«Краткий русско-бурят-монгольский словарь» (далее – КРБМС) стал первым крупным лексикографическим трудом, созданным в научном учреждении. В него вошло около 12 тыс. слов. В предисловии (названном «Вместо предисловия») авторы скромно определяют цели словаря: «Данный словарь преследует, прежде всего, практические цели – быть справочником-пособием при разговорном общении тех и других (бурят и русских, знающих и изучающих бурят-монгольский язык – Б.Ц.). Небесполезным он будет, надо надеяться, и при переводах с русского на бурят-монгольский язык» (КРБМС, V).

Мегаструктура, т.е. общее строение словаря, достаточно прогрессивна для своего времени. Словарь предваряет предисловие, как мы уже упомянули выше, названное «Вместо предисловия», «Структура словаря», далее идут «Список сокращений», «Алфавит». Грамматический очерк содержит сведения о произношении букв бурятского языка в сравнении с буквами русского языка, о кратком описании гласных с гармонией гласных, одной из характерных особенностей фонетики бурятского языка. Завершает очерк, занимающий страницы V-VI, небольшая статья, посвященная порядку слов в бурятском предложении. Наличие даже самого краткого грамматического очерка выходного языка значительно повышает его ценность, особенно, если он предназначен для изучающих язык.

Основной корпус словаря занимает 501 страницу, слова расположены в алфавитном порядке, что признается авторитетными лексикографами как наиболее оптимальный с практической точки зрения способ в двуязычном словаре (Дубичинский 2009: 62). Омонимы выделены в отдельные словарные статьи и обозначены римскими цифрами.

Обоснованных с какой-либо точки зрения критериев отбора слов для словника, следует признать, нет даже в современной лексикографии. Отбор слов практически во всех словарях во многом обусловлен рядом как объективных, так и субъективных факторов, среди них в языках с развитой лексикографией большое место занимают словаря-

предшественники (толковые, дву- и многоязычные, орфографические и т.д.), опираясь на которые составитель / составители komponуют словарь. Кроме того, этот ответственный этап работы лексикографа-практика определяется концепцией словаря, его адресной направленностью, ориентированностью на синхронию или диахронию. Немалую роль играет в этом и личный языковой опыт, чутье автора-составителя. На состав словаря также влияют политический и социальный аспекты, оставляя свой исторический отпечаток в идеологически и хронологически маркированных лексемах.

Одной из особенностей «Краткого русско-бурят-монгольского словаря» является то, что в качестве заголовочной единицы (ЗЕ) в него вошло много словосочетаний терминологического порядка: животный мир – *амитанай аймаг* (С. 81), заработная плата – *салин(г)*, *хүдэлмэриин хүлхэ(н)* (С. 96), ограничительная мера – *хизаарлаха хэмжээ* (С. 207), изобразительное искусство – *дүрсэлгын искусство*, *дүрсэлгын урлал* (С. 110), головной мозг – *уураг тархи* (С. 54) и т.д.

Микроструктура данного словаря достаточно проста – ЗЕ (по терминологии авторов, слово-заголовок), набранное полужирным шрифтом, непосредственно за ним переводной эквивалент. Значения многозначного слова обозначены арабскими цифрами с точкой. Соответственно объему и предназначению словаря, словарная статья в КРБМС минимальна по объему – в большинстве случаев в словах выделено от 1 до 3-4 значений (85-90 %). Большое количество значений выделено в некоторых многозначных глаголах, предлогах, наречиях. В словарной статье на **как** зафиксировано 19 значений, у глагола **передать** – 9, у предлога **на** – 8. В целом, в данном словаре именные слова в подавляющем своем большинстве однозначны в противоположность глаголам, которые полисемантичны. Этот феномен, по нашему мнению, является отражением специфики русского языка, где глаголам присуща большая номенклатура значений, которая расширяется за счет частой их терминологизации, переносного употребления в разговорной речи и просторечии.

Должно признать удачным снабжение ЗЕ семантизацией, названной Д. А. Абашеевым и К. М. Черемисовым пояснениями, наряду с основным эквивалентом. По поводу иллюстрации в КРБМС его авторы пишут: «Иллюстрации (т.е. примеры на употребление того или иного слова во фразе), как правило, избегались, но зато по силе возможности широко использовались ремарки, т.е. указания на область применения данного слова, например, жел. дор. железнодорожный <...>».

Иллюстративные материалы приводятся лишь для служебных слов (предлогов и союзов) и для показа служебных функций, например, глаголов. В частности было обращено большое внимание на категорию глагольного вида, который очень часто выражается в бурят-монгольском языке именно при помощи служебных глаголов» (КРБМС, V). В качестве примера приведем словарную статью на глагол **бить** 1. (ударять, убивать) *сохиho*, *нанишха*, *налиха* б. задом (о лошади) *хайраха*: б. (резать) скот *мал гаргаха*: б. (кулаком) *шааха*, *хүгэхэ*; бить хвостом *хүүлээ шарбаха*: 2. (разбивать) *бута сохиho*, *эбдэхэ* (КРБМС: 14).

В качестве переводного эквивалента ЗЕ или его отдельных значений приводятся «бурят-монгольские слова и синонимы» (КРБМС: 5). Помимо нейтральных литературных синонимов авторы-составители привлекают диалектные слова. Д. А. Абашеев и К. М. Черемисов известны и как исследователи говоров бурятского языка, и накопленный

ими экспедиционный материал нашел свое место в словаре. Например, бабушка *хүгшэн эжы*, бох. *төөбии*, *төөдэй*, сел. *эмгэн*, тунк. *теэбии* (здесь, к сожалению не дифференцированы значимые деления: бабушка по отцу – *хүгшэн эжы* и бабушка по матери – *нагаса эжы*); помёт <...> (лошади) *хонходоһо(н)* тунк., ал. *хонтогоодоһо(н)*, сел., закам. *хонтуул*, барг. *хомхо*, кяхт. *тонтоол*, мух.-шиб. *тонтоогоол* и т.д.

подавляющее большинство переводных эквивалентов подобрано исключительно точно, и приведение диалектных слов еще больше обогащает словарную статью. Тем не менее, представляется неоправданным приведение в качестве первого (а значит – основного) эквивалента заимствованного слова при наличии собственно бурятского слова, например: город – *город*, *тура* (*хото*),¹ жизнеописание – *биографи*, *намтар* (*намтар*), канат – *канат*, *бүдүүн аргамжа* (*аргамжа*), китайский – *китайска*, *хитад* (*хитад*: по-китайски – *китайскаар*, *хитадаар* (*хитадаар*), профессия – *професси*, *мэргэжэл* (*мэргэжэл*) и т.д.

При всей тщательности работы авторов-составителей встречаются явные ошибки, которые вызваны поспешностью, с какой был создан словарь (всего полгода от начала работы до выхода в свет). Так, слово **бодрость** переведено словами *үрэлгэн*, *эдир*. Слово *үрэлгэн* не зафиксировано ни в одном из существующих бурятских словарей и даже в монгольских словарях, а *эдир* имеет значение – ‘юный, молодой’, между тем, в РБМС **бодрость** переводится: *һэргэлэн* (*байлга*) , об (С. 39) , в РБС: *һэргэлэн* (*хүнгэн*) *дорюун байлга* (С. 120) , оно переведено приблизительно так же и в «Русско-монгольском словаре» (РМС, 1982). **Гравий** – *томо эльһэн* (*хайр*, *хайр шулуун* – в современных словарях). Тем не менее, следует отметить, что таких неудачных переводов в анализируемом словаре не много.

Иллюстративный материал в переводном словаре представляется необходимым элементом, поскольку в сочетании с другими словами (особенно в устойчивых, клишированных сочетаниях) слова приобретают несколько иное значение или переводятся совершенно другим словом.

Проблема написания сложных слов (слитное, раздельное, дефисное) в бурятском языке до сих пор не решена, а при каждом обсуждении учеными правил бурятской орфографии эта тема всегда остается одной из наиболее дискуссионных, и со времени становления литературного бурятского языка (в современном виде) количество сложных слов, пишущихся раздельно, возрастает. В КРБМС, т.е., когда действовали старые правила (1939 года), встречается достаточно много сложных слов со слитным написанием: вихрь – *хуйһалхин* (*хуй* + *һалхин* – смерч + ветер), вывести (уничтожить) – *үгыхэхэ* (*үгы* + *хэхэ* – нет + сделать), газообразный – *газ-түхэлтэ*, гривенник – *арбасагаан*, железнодорожный – *түмэрхаргын* (но: железная дорога – *түмэр харгы*), железобетонный – *түмэрбетон*, житьё – *амизуулга* (данное слово не зафиксировано ни в одном словаре), общесоюзный – *ниитэсоюзна*, всемирный – *бүхэдэлхэйн*, всесоюзный – *бүхэсоюзна*, всенародный – *арад-бүгэдын* и т.д.

В качестве ЗЕ в словарь также включены аббревиатуры и сложносокращенные названия органов советской, партийной и исполнительной власти, международных политических

¹ В скобках нами даны литературные бурятские слова, которые следовало бы включить в статью и расположить первым в ряду эквивалентов.

организаций, как, например, упоминавшийся выше ИККИ, Коминтерн, а также ЦК – Центральна Комитет, ЦИК – Центральна Гүйсэдхэхэ Комитет, Совнарком – Арадай Комиссариадай Совет и т.п.

В начале статьи мы указывали, что первыми крупными лексикографическими большинстве национальных (малых) языков являются переводные словари. Этот же тезис подтверждается и в отношении бурятского языка, первыми изданными словарями которого стали именно русско-бурятские словари: общие лексические, терминологические и т.д. Появление бурятско-русских словарей в последующем обуславливались дальнейшим развитием национального языка, школьного образования, переводного дела в республике и рядом других лингвистических и экстралингвистических факторов. Первые словари становились опытной площадкой, на которой впервые решались основные, первоочередные лексикографические задачи.

Литература

Берков В. П. (1973). *Вопросы двуязычной лексикографии (Текст)*. Л: Изд-во Ленингр. ун-та, с. 192.

Берков В. П. (1977). *Слово в двуязычном словаре (Текст)*. Таллин: Валгус, с. 192.

Берков В. П. (1994). *Норвежская лексикология: учеб. пособие (Текст)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 186.

Берков В. П. (2004). *Двуязычная лексикография: Учебн. (Текст)*. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, с. 236.

Боровков А. К. (1957). *Из опыта составления русско-национальных словарей (Текст)*. Лексикографический сборник, М: ГИИНС, а. Вып. I, с. 135-159.

Дубичинский В. В. (2009). *Лексикография русского языка: учеб. пособие (для вузов) (Текст)*. М: Наука, Флинта, с. 428.

КРБМС – Абашеев Д. А., Черемисов К. М. (1941). *Краткий русско-бурят-монгольский словарь: около 12000 слов (Текст)*. Улан-Удэ: Бурмонгиз, – с. 504.

(1957). *Лексикографический сборник*, М: ГИИНС, а. – Вып. I, с. 188.

Юлдашев А. А. (1972). *Принципы составления тюркско-русских словарей (Текст)*. А. А. Юлдашев. – М.: Наука, с. 416.

Бурятская юрта

Источник: flexuheat.ru

